

СМИРНОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

ПУШКИНСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

Введение

Предмет, цели и задачи работы

Данная работа посвящена системному анализу пушкинской романтической лирики. Наиболее ярко и глубоко гений Пушкина проявился в лирической поэзии, самой существенной, однако, менее всего изученной области его творчества. В научных монографиях романтическое творчество поэта, как правило, рассматривается лишь в плане общей эволюции, а в многочисленных специальных пушкиноведческих работах исследование собственно романтических начал лирики Пушкина до сих пор занимает весьма скромное место. Внимание ученых обычно привлекает жанрово-тематическое своеобразие произведений поэта, интеграция национальных и западноевропейских традиций, смена литературной ориентации. Тема романтизма в творчестве Пушкина обладает, на наш взгляд, богатыми возможностями для новых исследований.

Сфера наших интересов обнаруживается на пересечении ряда

взаимосвязанных областей: изучение комплекса поэтических высказываний в структуре лирического текста, рассмотренных в конкретной соотнесенности с тем идейно-художественным комплексом явлений, который именуется романтизмом. В основе романтического лирического переживания лежит способность личности возвыситься до эмоционального самоопределения, до сознания ее ценности, вызванного внутренним стремлением к сверхличному идеалу.¹ Возможно говорить о «поэтической философии» романтизма в лирике Пушкина, о его взглядах на мир, обнаруживающихся не в форме логически стройной системы теоретических постулатов, а в виде художественных текстов, язык которых имеет смыслообразующее значение и форма которых не может быть отделена от содержания высказывания. Нередко эта сторона творчества определяется как «картина мира и человека», «концепция человека и природы».² До сих пор существует в науке трудно объяснимое отсутствие согласованности между структурой корпуса текстов Пушкина и теоретическими суждениями представителей литературного движения его эпохи.

Оценка творчества Пушкина представителями различных течений русской критики, особенности его мировоззрения, общественно-политические взгляды и литературно-эстетические вкусы, влияние его поэзии на литературный процесс XIX – XX веков, мировое значение пушкинского наследия — эти и многие другие важнейшие проблемы творчества поэта всесторонне изучены в современном литературоведении. Поэтому мы стремимся ограничить себя теми важными и, как нам представляется, принципиальными сторонами анализа романтической лирики Пушкина, которые пока еще не нашли системного освещения. До начала XX века лирика поэта в целом оставалась вне пристального

внимания ученых. «До поразительности мало исследована лирика Пушкина», — сетовал в 1922 году Н.К. Пиксанов.³ И в новейшее время, как отмечает автор капитального исследования о поэтике Пушкина В.А. Грехнев, «изучение исторической поэтики лирических жанров по-прежнему упирается в теорию, как в преграду. Нет, пожалуй, менее изученной области в современной науке о жанрах, чем теория лирических жанров».⁴ Лирика Пушкина в ее отношении к романтической системе, представляет актуальную историко-литературную проблему.

Ослабление внимания к важнейшим особенностям метода и стиля лирики Пушкина характеризует современное состояние изучения его поэтического творчества. В коллективной монографии, подводящей итоги исследовательской деятельности пушкинистов, подчеркнуто: «Едва ли можно назвать еще другую область творчества Пушкина, столь же недостаточно изученную, как его лирика».⁵

Специфика пушкинского воплощения романтического содержания в его лирике составляет предмет настоящей работы.

Цель работы — выявить, как, в каких образных формах и с какой степенью завершенности романтическое видение поэта отразилось в его наиболее значительных лирических произведениях.

С этим связана основная задача, стоящая перед автором, — попытаться найти методологически последовательный и непротиворечивый подход к интерпретации текста пушкинского лирического произведения как целостного явления. Исследования лирики Пушкина должны узаконить себя единством принципиальной концепции. И такой концепцией, на наш взгляд, может стать концепция романтического идеала, в которой, как в фокусе, суммируются все частные возможности аналитического

подхода. Синтез суждений, определений, выводов не должен сводиться к безликому суммированию бесконечного количества точек зрения - мы предполагаем возможность нахождения монистического подхода к поэтическому тексту как тому единственному источнику, к которому апеллирует автор исследования, избирая для анализа те тексты, которые вносят нечто новое в понимание пушкинской лирической системы. Те же стихотворения, которые укладываются в общепринятые представления и поэтому не нуждаются в дополнительной аргументации, нами лишь упоминаются.

В центре внимания нашей работы — проблема утверждения нового романтического содержания в лирике Пушкина. Предпринята попытка проследить особенности романтического идеала в его поэзии и осмыслить переход от предромантических лирических деклараций второй половины 10-х годов XIX века к художественно совершенным творениям 20-х годов. Творчество Пушкина-романтика рассматривается в связи с поэтическими исканиями ранних русских романтиков — Жуковского и Батюшкова, с их поэзией в целом и со специальными темами их творчества, предваряющими художественные поиски Пушкина.

В романтизме Пушкина полно и всесторонне заявляет о себе разветвленная и сложная система идей и представлений об окружающем мире, настолько богатая и многоплановая, что возникает необходимость остановиться на изучении тех моментов в лирике поэта, в которых она проявилась наиболее отчетливо и непротиворечиво. Это будет составлять собственно романтический идеал в его главных чертах: принцип универсального отношения к миру, новые критерии ценностей в отношении к изображаемым объектам и предметам, а также возвышенные представления о

самостоятельности «душевной субъективности» лирического «я». Данный подход определяет отбор привлекаемого для анализа корпуса произведений — нами рассматриваются наиболее совершенные творения 20-х годов, начиная от «южных» элегий и завершая «кавказским» циклом стихотворений 1829 года, что и составляет период зрелого романтизма Пушкина. Систематизация пушкинских текстов проводится в аспекте основных задач исследования. За скобки выносятся тот материал, который не фигурирует как сообщение в горизонте интерпретации, в целях достижения обзримости и четкости общей картины. Для аналитически ориентированного литературоведения систематика текстового корпуса имеет особое значение.

Если проблемы атрибуции пушкинских произведений, вопросы текстологии, творческой истории того или иного сочинения, биографического или реально-исторического комментирования могут быть исчерпывающе однозначно решены, то задачи интерпретации романтического текста по принципиальным причинам не могут когда-либо считаться завершенными. По мере углубления познавательных возможностей исследователей и решения все вновь и вновь возникающих методологических проблем, перспективы истолкования лирических текстов романтиков непрестанно видоизменяются и расширяются в своем содержании. Анализ романтического содержания пушкинского стихотворного произведения создает новые предпосылки для разрешения спорных историко-литературных проблем. Исследование контекста любого художественного произведения всегда вызывает выдвижение новых вопросов.

Интенсивное осмысление в современном литературоведении идейно-художественных принципов романтизма привело в

последнее время к возникновению терминов и понятий, представляющих собой единую систему. Под системой понимается целостное множество взаимосвязанных элементов. Системообразующим фактором является романтический идеал, который определяет значимость каждого элемента, входящего в сферу романтических представлений о мире. Понятие системности динамично и поэтому допускает разную степень связности частей.

Специфика пушкинского романтизма может быть раскрыта путем выявления поэтических ценностей, определяющих новую концепцию личности, особенности трактовки лирического «я» в отношениях человека и окружающего мира. Анализ процесса становления и утверждения нового миропонимания продуктивен в свете таких актуальных для изучения пушкинского творчества проблем, как романтический универсализм, «психологизм», историзм.

Романтизм – особая форма художественного постижения действительности, в рамках которой была создана только ему свойственная картина мира и человека. Речь поэтому может идти не только о методе и стиле лирики Пушкина, но об отраженном в ней «романтическом сознании», «романтической душе», «романтическом человеке». Романтизм – явление более широкое, чем направление в искусстве. Это осознавалось всеми крупнейшими исследователями. Так, Ф.Г. Де Ла-Барт отмечал, что «романтизм это новый метод познания, основанный одновременно на вере во всемогущество разума и на вере в откровения чувства». ⁶ И.И. Замотин указывал, что в романтизме «открывается взору наблюдателя целое мирозерцание; романтики как бы вновь строили всю философию жизни». ⁷

Романтизм создал настолько широкую систему идей и

представлений о мире, что они не могут во всей своей полноте быть освещены в одной работе. Поэтому нами избраны лишь те стороны мировосприятия Пушкина, в которых его специфика отразилась наиболее полно и непротиворечиво. Конфликт романтического «я» и общества, отраженный в поэзии Пушкина, переходит в трагическое противостояние героя и мира, представление об идеале как главной ценности романтического сознания находит свою реализацию в формах поведения романтического субъекта и в осознании автором его места в окружающем мире. Таковы самые главные аспекты анализа образного строя лирики Пушкина.

Научная новизна подхода к лирике Пушкина в нашей работе базируется на стремлении связать анализ конкретного стихотворения с особенностями романтического метода на основе современной концепции лирического рода.

До настоящего времени не создана логически непротиворечивая концепция пушкинского романтизма как в отношении его генезиса, становления и развития, внутренних границ, так и в отношении к западноевропейским модификациям данного литературного направления, значение которых особенно велико при смене литературных ориентаций. Это вызвано неразработанностью типологии как русского, так и западноевропейского романтизма, а также излишним преувеличением роли 1824 года в творческой эволюции Пушкина, года, который объявлялся решающим в процессе «перехода его к реализму». ⁸

Романтическое начало — самый существенный элемент, определяющий проблематику пушкинской лирики второй половины 20-х — начала 30-х годов. Согласно привычным схемам эволюции творчества Пушкина, оно как бы автоматически перестает

существовать после 1825 года, однако оно не исчезает в одночасье, а сохраняет романтическую направленность.

Лирические произведения, написанные поэтом после этого времени, не получают систематической квалификации в отношении их метода и стиля, нет и историко-литературного обоснования своеобразия лирики 1825 – 1836 гг. Но достаточно напомнить о романтических ценностных ориентациях в циклах стихов о поэте и поэзии, шедеврах болдинской лирики, о романтическом культе лицейской дружбы как священного нерушимого союза избранных душ, то станет очевидным, что романтика была действенным источником, питавшим лирическое творчество Пушкина во все периоды его творчества.

Результаты усилий теоретиков литературы выделить «признаки» реализма в лирике как особом поэтическом роде пока остаются малоубедительными, хотя поиск новых аргументов продолжается. Еще Гегель чутко подметил отношение романтиков к внешним сторонам объекта: «Способ действительного формообразования в романтическом искусстве не выходит за пределы обыденной действительности и не уклоняется от включения в себя реального существования в его конечной органичности и определенности». ⁹ «Внешнее», по его мнению, всегда «должно принять облик обыденного, эмпирически человеческого», форма «не очищается от случайностей конечного эмпирического бытия». ¹⁰ Это «внешнее» сторонники реализма Пушкина и принимают за явление, отличное от романтизма.

Изучение проблем романтизма в любой национальной литературе вызывает споры и дискуссии до сих пор в силу разных причин. Романтизм многопланов, и каждый из аспектов изучается изолированно от других вне системной обусловленности, из-за чего

проистекают противоречивые выводы. Самые существенные моменты романтизма, будучи изначально противоречивыми, остаются без определенных решений и поныне, поэтому удается достичь лишь относительный консенсус среди исследователей. Понятие о романтизме создается путем обобщения особенностей, присущих отдельным национальным школам и направлениям.

Теория романтического пафоса, впервые заявленная Белинским на основе гегелевской эстетики, получила свое развитие в последнее время в трудах Г.Н. Пospelова и Е.Г. Рудневой. Г. Н. Пospelов определял романтику как «подъем и расцвет эмоционального самосознания личности, ее душевных переживаний, вызванных стремлением к возвышенному, «сверхличному» идеалу и объективируемых в тех или иных явлениях действительности». ¹¹

Е.Г. Руднева в книге «Пафос художественного произведения» (М., 1977) рассмотрела содержание и место романтики как категории пафоса в системе немецкой эстетики и в ее трансформации у Белинского. Наиболее детально «романтический пафос» и «романтическое настроение» проанализировано ею в специальной монографии «Романтика в русском критическом реализме: Вопросы теории» (М., 1988), где определены важнейшие стороны этого вида идейно-эмоциональной оценки.

Исходя из постулатов указанных работ, мы считаем необходимым взять следующее рабочее определение: романтизм - это такое литературно-художественное движение XIX века, в пределах которого художник может возвыситься до эмоционально активного и свободного выражения своей индивидуальности как в отношении к сверхличному эстетическому идеалу, так и к внутреннему миру героя.

Философская основа романтического произведения зиждется на

стремлении творящего субъекта к идеалу, трансцендентному его душевному миру.

Степень изученности проблемы романтизма в лирике Пушкина

Вопрос об особенностях пушкинских романтических произведений возникает уже в литературной критике 1820-х годов.¹² Здесь следует назвать полемику о «Руслане и Людмиле» 1820 года и полемику П.А. Вяземского и М.А. Дмитриева в связи с публикацией поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в 1824 году. В тексте поэмы М.А. Дмитриевым проницательно выделены особые признаки пушкинского романтического стиля: «соединение быстроты рассказа с неподвижностью действия», «пылкости страстей с холодностью характеров». Главную особенность художественного слога он усматривал в том, что «новость выражения новой школы состоит не столько в словах, сколько в несовместимом соединении оных».¹³

П.А. Вяземский высоко оценил романтическую неопределенность описаний в поэмах Пушкина, считая, что прозаические подробности лишают общую картину целостности и последовательности. Непосредственный предшественник Белинского в последовательном и пристрастном истолковании романтического стиля и метода гениального поэта, он стал одним из самых решительных сторонников нового романтического представления о мире в творчестве Пушкина.

Наиболее значительными для понимания проблемы «Пушкин и романтизм» являются критические выступления Белинского. Хотя, по мнению критика, романтизм как литературное направление к концу 30-х годов XIX века исчерпал свою актуальность, в его сознании он оставался все тем же прогрессивным движением в

европейском искусстве. Для Белинского романтизм — «не иное что, как возвращение к естественности, а следственно, самобытности и народности». ¹⁴ В статье «Русская литература в 1841 году» Белинский предложил новое понимание романтизма как выражения особенностей внутреннего мира «души и сердца» (4, 301), как следствия развития «до последней крайности значения человеческой личности» (6, 123). Здесь он полностью солидаризируется с Гегелем, полагавшим, что форму романтического искусства составляет внутренняя жизнь, субъективность. В цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (1843—1846) фактически им была поставлена задача осмысления общего начала, свойственного всем романтикам: «Сущность романтизма, — писал Белинский, — заключается в его идее, а не в произвольных случайностях внешней формы» (6, 114).

В статьях, посвященных Батюшкову и Жуковскому, Белинский предложил как историко-культурное, так и типологическое истолкование романтизма, определил содержание нового идеала и взаимоотношение поэтических идей и представлений Батюшкова, Жуковского и Пушкина. Однако в пятой статье, где речь идет почти исключительно о лирике Пушкина, проблемы романтизма отступают на задний план перед «пафосом» поэзии Пушкина, ее гуманностью, народностью и артистичностью.

В статье «Русская литература в 1841 году» Белинский затрудняется определить общее направление поэзии Пушкина, считая, что «имя романтика навязано на него не совсем впопад» (4, 309—310) и что романтизм носит более или менее односторонний и исключительный характер. Эти суждения критика свидетельствовали о постепенной утрате им интереса к проблемам

романтизма в целом в перспективе грядущего господства «натуральной школы».

В дальнейшем в критике и литературоведении второй половины XIX века проблема пушкинского романтизма и тем более его отражения в лирике почти не встает. В обсуждении «анненковского» издания сочинений Пушкина и для А. Дружинина, и для А. Григорьева, и для М. Каткова, и для Н. Добролюбова и Н. Чернышевского проблемы романтизма заслонены более злободневными. И для первых литературоведов-систематиков пушкинского творчества А.И. Незеленова,¹⁵ Б.В.Никольского¹⁶ проблемы романтизма не становятся предметом специального обсуждения.

Итогом деятельности дореволюционного академического пушкиноведения является издание сочинений Пушкина под редакцией крупнейших специалистов того времени - Л.Н. Майкова, И.Н. Жданова, В.Е. Якушкина, П.О. Морозова (Академия наук, Спб., 1900 – 1916). В нем впервые в истории пушкинистики ставится и решается задача систематической публикации большинства вариантов текста. Издание отличается полнотой привлекаемых материалов, использование наиболее авторитетных рукописей и печатных изданий, широкий подбор вариантов, многоаспектный и разносторонний комментарий к текстам и вариантам. Обширное количество фактов, приводимых в них, вооружало ученых необходимыми данными для новых исследований. Однако, несмотря на большой объем представленных в сопровождающих текст разысканьях, которые буквально «подталкивали» ученых к выявлению и анализу романтических тем, образов и мотивов у Пушкина, а затем к сопоставлению с европейскими романтиками, изучение и интерпретация текстов в этом издании лишена

системности и определенности.

Среди дореволюционных изданий выделяется также Собрание сочинений Пушкина в шести томах под редакцией С.А. Венгерова (Спб., 1907—1915). Комментарии к лирическим стихотворениям доведены в нем до 1830 года, целый ряд наблюдений сохраняет свою значимость до настоящего времени. Помимо традиционных примечаний в корпус издания были включены обширные монографические статьи о своеобразии пушкинского творчества в его романтическом содержании, соотнесенном с литературно-общественной жизнью начала XIX века. Данное издание стало своеобразной пушкинской энциклопедией начала XX века, сохраняя свою значимость до наших дней, но одновременно оно продемонстрировало разрыв между проблемным и фактологическим анализом лирики Пушкина, что ощущается в науке и сегодня. По словам Б.Л. Модзалевского, «только с конца 1910-х гг. пушкиноведение из области просвещенного любопытства или более или менее стихийного занятия переходит на ступень пристального исследовательского труда». ¹⁷ С начала XX века сосуществуют две противоборствующие тенденции в истолковании текстов Пушкина – академическая в лице В.В. Сиповского и Н.А. Котляревского, придерживавшихся историко-культурного уклона, и абстрактно-философская, представленная именами Д.С. Мережковского, М.О. Гершензона, Вяч. И. Иванова.

Вплоть до 20-х годов XX века изучение романтической лирики Пушкина шло в рамках поиска влияния на него европейских поэтов. В этом отношении был сделан ряд важных наблюдений в работах Н.П. Дашкевича, Н.В. Яковлева, А.Л. Бема, Н.Ф. Сумцова, В.В. Сиповского. Итогом этой традиции стала книга В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин», вышедшая в 1924 году. В ней

исследователь анализирует «южные» поэмы Пушкина, романтическая же лирика, несмотря на значительное воздействие байронических начал, остается за пределами общей концепции, на что недавно обратил внимание современный исследователь С. А. Кибальник.¹⁸

Наиболее показательной для пушкинистики рубежа XIX—XX веков является концепция пушкинского романтизма, предложенная авторитетным в университетских кругах начала XX века профессором В.В. Сиповским в его статье «Пушкин и романтизм».¹⁹ Основу романтизма, по В.В. Сиповскому, составляет индивидуализм как принцип отражения действительности (в отличие от классицизма, пронизанного пафосом общечеловеческого, и от реализма, в центре которого стоит проблема изображения типического в характерах персонажей). В соответствии с ним ученый прослеживает развитие романтического мировосприятия в на разных этапах творчества Пушкина.

В лицейский период творчества Пушкин часто обращался к автохарактеристике. «Нет другого русского поэта, — замечает автор, — который бы так много говорил о себе»; с 1817 года его охватывает «мучительное ощущение горя от ума, трагизм непримиримого конфликта с толпой, упорное бегство от людей». Таким образом, по мнению Сиповского, Пушкин — романтик в той мере, в какой он выступает в жизни как индивидуалист. Именно поэтому «Пушкин в своем творчестве осуществил все виды и все существенные черты романтизма».²⁰

К данной работе по методологии близка монография И.И. Замотина «Романтизм 20-х годов XIX столетия в русской литературе» (1913), в которой рассмотрена позиция Пушкина в отношении программы журнала «Московский вестник» и к

литературным манифестам любомудров.²¹ В этой работе приведен обширный фактический материал, подчиненной абстрактной схеме: романтический герой движется от индивидуализма к чувству национального, а далее к универсальным основам жизни.

Полный пересмотр прежних концепций пушкинского романтизма был произведен Б.С. Мейлахом в книге «Пушкин и русский романтизм» (1937). Автор отрицает органическую связь Пушкина с поэзией Жуковского, резко оспаривает интерпретацию темы поэта и поэзии, предложенную символистами, ставит в прямую связь литературно-поэтические взгляды Пушкина и декабристов, а в романтике поэта усматривает полное и безоговорочное преодоление так называемого «реакционного» романтизма. Подобная постановка вопроса снимает проблемы пушкинского метода, стиля, особенностей образного строя языка. В дальнейшем Мейлах в своих работах пересмотрел наиболее крайние из своих суждений, уточнил ряд общих характеристик пушкинского романтизма в книгах «Пушкин и его эпоха» (1958), «Художественное мышление Пушкина как творческий процесс» (1962), «Талисман» (1984), «Творчество Пушкина: Развитие художественной системы» (1984), «Декабристы и Пушкин» (1987), «...Сквозь магический кристалл» (1990), сохранив, однако изначальную недооценку роли романтизма в истории русской литературы первой половины XIX века. «Ограниченность» и «клишированность» романтизма Пушкина отмечает Мейлах в работе 1984 г. «Творчество Пушкина: Развитие художественной системы»: «Романтизм, провозглашая полную свободу от «правил» и «полновластие чувств», пришел к условности и схематичности, но уже романтической».²²

В послевоенные годы вышли две значительные монографии о творчестве Пушкина, во многом определившие новые направления

научного поиска. Это, прежде всего, книга Г.А. Гуковского «Очерки по истории русского реализма: Пушкин и русские романтики» (Саратов, 1946) и монография Д.Д. Благого «Творческий путь Пушкина» (М., 1950; вторая часть вышла в 1967 году). Д.Д. Благой обогатил характеристику романтизма Пушкина, сопоставив его поэзию с творчеством Жуковского и Байрона. Анализ отдельных романтических стихотворений был им осуществлен и в сборниках его статей: «Мастерство Пушкина» (М., 1955) и «Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина» (М., 1979).

Принципиально новое решение проблем русского романтизма в тесной связи с изучением творчества Пушкина предложил Г.А. Гуковский, который подчеркнул актуальность проблемы своеобразия романтического мировосприятия, отразившегося в художественном стиле лирики Пушкина. Исследователь последовательно развил тезис дореволюционных ученых о качественном своеобразии субъективизма и индивидуализма поэтов-романтиков, признал методологически необходимым исследование словесных тем и лейтмотивов, «слов-символов и знаков состояния души»²³ в их творчестве. Гуковский по-новому поставил и проблему лирического героя, которого он определил как «образ-характер, построенный поэтическим творчеством», подчеркнув необходимость соотнесения «лирической биографии» поэта-романтика с воссозданной в поэтическом тексте новой реальностью.

Он же радикально пересмотрел и вопрос об отношении Пушкина к традиции Жуковского. Если для Мейлаха это лишь процесс преодоления реакционного наследия Жуковского, то для Гуковского - преодоление безусловно подразумевает органическое усвоение: «Пушкин не отказался от наследия Жуковского *даже в 1820-х годах* (курсив мой. — А.С.), но использовал его, включив в

новую систему». ²⁴ Этот взгляд нашел дальнейшее развитие в работах Л.Я. Гинзбург «Пушкин и реалистический метод в лирике» и в главе об элегиях Пушкина в книге Л.Г. Фризмана «Эволюция лирического жанра» (1973). Работа Гуковского имеет исключительно важное методологическое значение для исследования не только пушкинского романтизма, но и русской поэзии в целом. Гуковский полагал, что раннее творчество Пушкина находится в пределах романтизма в двух его ипостасях психологическом (Жуковский, Батюшков) и героическом (Гнедич, Катенин): «Основу поэтической работы Пушкина составляет объединение школы Жуковского и гражданского романтизма. Подлинным собирателем русского романтизма был молодой Пушкин». ²⁵ После данной работы не было создано обобщающих концептуальных работ, которые были бы проблемно ориентированы на вопросы романтизма в лирике великого поэта.

Существенный вклад в понимание пушкинского романтического стиля внесли две фундаментальные работы акад. В.В. Виноградова — «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941). В них подробно раскрыто своеобразие стилевых традиций многих пушкинских произведений, правда, в соответствии с поставленными задачами безотносительно к литературным направлениям; поэтическое новаторство Пушкина рассматривается на фоне поэтических стилей русской поэзии первой трети XIX века, многие из которых были осмыслены Виноградовым в качестве характеристик романтического речевого стиля. Традиции лингвостилистического подхода В.В. Виноградова к лирическому тексту романтиков нашли продолжение в работах сотрудников Института русского языка АН СССР: Поспелова Н.С. «Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина» (М.,

1960), Ильинской И.С. «Лексика стихотворной речи Пушкина» (М., 1970), Григорьевой А.Д., Ивановой Н.Н. «Поэтическая фразеология Пушкина» (М., 1969).

В конце 40-х годов было завершено Большое Полное собрание сочинений Пушкина. Оно представляет исключительную ценность для изучения романтической лирики Пушкина, так как воспроизводит «историю текста» — от первых набросков до окончательного печатного или рукописного варианта. Главный недостаток этого издания, как известно, заключается в отсутствии реально-исторического и общего литературоведческого комментария. В корпус примечаний введены лишь краткие указания на место и время первых публикаций и источники текста. Это затрудняет раскрытие смысла иносказаний, намеков, полемики, скрытой иронии, важных в отношении разночтений. Несмотря на этот факт, «вариативность» романтического текста может быть глубоко и всесторонне исследована лишь на основе изданий подобного типа. Думается, что выход первого тома нового академического издания текстов Пушкина, подготовленный сотрудниками Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге, позволит не только более совершенным способом проанализировать случаи спорных и сомнительных датировок, вариантов текстов, но и осознать весомость и значимость романтического начала в творчестве Пушкина.

Острая потребность в обобщающих трудах, которые обрисовали полноту и масштаб пушкинского творчества, возникла в 1950-е гг. Период романтизма занимает в них важное место. Таковы монографии Д.Д. Благого и Б.В. Томашевского. Хотя они не до конца реализовали свои замыслы, их работы позволяют выявить общую логику развития пушкинского творчества. В

фундаментальных исследованиях Б.В. Томашевского «Пушкин: 1813—1824» (М.;Л., 1956. Кн. 1); «Пушкин: Материалы к монографии: 1824-1837» (М.;Л., 1962); «Пушкин: Работы разных лет» (М., 1990) на первом плане оказались процессы эволюции творчества Пушкина в целом, проблемы лирики не составили самостоятельного аспекта исследования. Попытку представить наиболее важные стороны лирики Пушкина предпринял Н.Л. Степанов в книге «Лирика Пушкина» (М., 1959), не воссоздав, однако, всей полноты лирического наследия Пушкина. В цикле очерков Б.П. Городецкого «Лирика Пушкина» (М., 1962) господствует описательность, преобладают несистематизированные подробности биографии, текстологии и заметки общего характера. В названных работах основное внимание уделяется вопросам переходного характера пушкинского романтизма, делаются попытки определить его хронологические рамки. Вопросы специфики пушкинской романтики, ее существенных сторон и особенностей обсуждаются преимущественно на тематическом уровне.

В 70-х годах общий интерес к проблемам романтизма в русской и мировой литературе обозначился более отчетливо: был издан ряд исследовательских работ сотрудников ИМЛИ и МГУ — «Проблемы романтизма» (М., 1971), «К истории русского романтизма» (М., 1973), серия сборников Казанского и Тверского университетов под редакцией Н.А. Гуляева и И.В. Карташовой. В них были рассмотрены проблемы теории и типологии романтизма, его аналоги в европейской литературе XIX века, что помогло представить русский романтизм в более широкой концепции общеевропейского романтизма. В большинстве современных немецких работ романтизм также предстает не как феномен

национальной литературы, а как общеевропейское литературное движение.

Проблема пушкинского романтизма специально рассмотрена А.М. Гуревичем в статье «Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму». ²⁶ Ее основной пафос заключается в настойчивом акцентировании факта постоянной полемичности Пушкина по отношению к теоретическим установкам русских и европейских романтиков. Автор указывает на расхождения Пушкина с декабристами по вопросам этики, с любомудрами по проблемам отношения мира природы и мира духовной жизни, полагая, что пушкинское понимание свободы существенно отличается от той, которую проповедовали сторонники романтического индивидуализма. ²⁷

Исключительный интерес для изучения романтизма Пушкина представляет концептуальная работа В.И. Коровина «Романтические настроения в пушкинской лирике 20-х годов», вышедшая в первом томе коллективной монографии ИМЛИ РАН «История романтизма в русской литературе» (1979). Зарождение романтических настроений поэта автор относит к петербургскому периоду его творчества, когда происходит усвоение Пушкиным элегического стиля Жуковского и Батюшкова. В.И. Коровин рассматривает важнейшие вопросы романтического идеала, стиля, метода, проблематики, лирического героя в творчестве поэта. Он отмечает перестройку образа лирического героя в его романтической поэзии: «В элегиях Пушкина возникает биографически конкретный образ изгнанника поневоле, рядом с которым появляется условно романтический образ изгнанника добровольного». ²⁸ Ученый квалифицирует активное начало пушкинского лирического героя как романтическое, им доказано, что романтизм является открытой системой, сохраняющей

и устойчивые и изменяющиеся признаки метода. Авторское сознание в лирике Пушкина конкретно связывается с историческими стадиями европейского романтизма.

Общая основа лирической поэзии Пушкина, согласно исследованию В.И. Коровина, безусловно, романтическая, она включает весь спектр ее модификаций и вариаций: «Центральная тема — ощущение новых впечатлений, жажда свободы, стихийное чувство воли, контрастное пошлой и повседневной жизни». ²⁹ Учитывая и просветительскую традицию в лирике 20-х годов, Коровин приходит к важному выводу о несводимости всей лирики Пушкина только к романтизму. Многие из его обобщений и наблюдений реализованы в обширной энциклопедии «А.С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь» (М., 1999).

Обобщением целого ряда его предшествующих исследований по проблемам романтизма стала работа Н.В. Фридмана «Романтизм в творчестве А.С. Пушкина» (М., 1980). Своеобразие романтизма поэта автор определяет с помощью единственного отличительного признака: «Романтизм Пушкина — это вольнолюбивый романтизм страстей»; эти «исключительные необыкновенные страсти» возникли «как следствие острого недовольства душевной мелкостью общественных верхов». ³⁰ К сожалению, всю сложность и богатство романтического взгляда Пушкина на мир автор сводит к теме страсти, к изображению «исключительных страстей».

Большинство исследователей, изучая отношение Пушкина к романтизму, сводят его содержание к одному критерию – страсти, индивидуализму, свободе воли, склонности к предопределению, однако решение о том или ином модусе бытия и сознания человека не следует выдавать за исчерпывающую характеристику романтизма как такового. Ни творчеством декабристов, ни Любомудров не

исчерпывается богатство романтического мировосприятия, как не может быть оно ограничено проповедью индивидуализма или «презрением» к прозе жизни.

В последние десятилетия XX века вышло много ценных исследований, посвященных общим и частным проблемам поэтики романтизма, во многих из них рассматриваются вопросы, непосредственно связанные с пушкинским романтизмом. Это работы Ю.В. Манна («Поэтика русского романтизма». М., 1976; «Динамика русского романтизма». М., 1995), Л.Я. Гинзбург («О лирике». М., 1974),³¹ В.Н. Турбина («Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров». М., 1978), С.Г. Бочарова («Поэтика Пушкина». М., 1974), Е.А. Маймина («Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев». М., 1976). В указанных трудах основное внимание уделяется общим процессам, которые характеризуют литературное движение в русской литературе XIX века. Лирика Пушкина в ее отношении к романтизму не встает в них в качестве специальной задачи, требующей принципиально нового рассмотрения.

Существенные в научном отношении материалы, посвященные вопросам особенностей романтических текстов, содержатся на страницах специально посвященных Пушкину неперiodических научных сборников, таких, например, как: «Пушкин: Материалы и исследования» (М.;Л. Т.1. 1956 --); «Пушкин: Временник Пушкинской комиссии» (Л. Вып. 1. 1964 --); «Пушкин и его современники» (Л., Т. 1(40). 1999 --); «Болдинские чтения» (Нижний Новгород, 1976 --), «Московский пушкинист» (М., Вып. 1. 1995 --). На важнейших из них в аспекте темы нашей работы мы собираемся остановиться по ходу исследования.

В свое время целым рядом ученых была предпринята попытка установить время зарождения реалистического метода в лирике Пушкина как бы в противовес романтике 1820-х гг.³² Здесь следует назвать труды Л.Я. Гинзбург «К постановке проблемы реализма в пушкинской лирике» («Пушкин: Временник Пушкинской комиссии». М.; Л., 1936. Кн. 2), С.М. Бонди «Рождение реализма в творчестве Пушкина» (см.: Бонди С.М. «Мир Пушкина: Избранное». М., 1999), Л.С. Сидякова «Изменение в системе лирики Пушкина 1820—1830-х годов» («Пушкин: Материалы и исследования». Л., 1982. Т.10), наконец, монографические исследования В.Д. Сквозникова «Реализм лирической поэзии: Становление реализма в русской лирике» (М., 1975), «Русская лирика: Развитие реализма» (М., 2002). Все они на разном фактическом материале и отличающихся друг от друга методологических позициях развивают тезис Гуковского о социальном детерминизме как главном и решающем критерии реалистического творчества любого писателя, который исследователь выдвинул в монографии «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (М., 1957). В современном литературоведении, как отечественном, так и зарубежном, вопрос о критериях, принципах и признаках реализма до настоящего времени не представлен в качестве разработанной концепции, соответствующей особенностям русского литературного процесса первой половины XIX века.

Таким образом, прослеживая историю пушкиноведения, содержащую немало непреходящих ценностей, следует сделать вывод, что ясного и определенного ответа на вопрос о возникновении реализма в лирике Пушкина пока нет, в связи с чем и вопрос о характере его романтизма в 20—30-е годы остается открытым для новых решений, даже если принять общепризнанное

по преимуществу в популярной учебной литературе положение о «рождении» реализма в трагедии «Борис Годунов» и поэме «Евгений Онегин».

Мы считаем, что настало время более внимательно отнестись к скептическим выводам В.В. Виноградова о «поспешном» выявлении литературоведами реализма в поэзии 20—30-х годов XIX века, высказанным в его монографиях «О языке художественной литературы» (М., 1959) и «Проблемы авторства и теория стилей» (М., 1961).

Перспективы исследования вопросов метода и стиля лирики Пушкина определены в монографических работах С.А. Фомичева «Поэзия Пушкина: Творческая эволюция» (Л., 1986); «Праздник жизни» (СПб., 1995), Е.А. Маймина «Пушкин: Жизнь и творчество» (М., 1986), а также сборнике его концептуальных статей «О русском романтизме» (М., 1975), Г.П. Макогоненко «Творчество Пушкина в 1830-е годы: 1830— 1833 » (Л., 1974) и «Творчество Пушкина в 1830-е годы: 1833—1836» (Л., 1982), наконец, в трудах В.И. Кулешова «А.С. Пушкин: Жизнь и творчество» (М., 1987), «А.С. Пушкин: Научно-художественная биография» (М., 2002), Г.А. Лескиса «Пушкинский путь в русской литературе» (М., 1993), В.Э. Вацуро «Лирика пушкинской поры: Элегическая школа» (СПб., 1994; «Из истории литературного быта пушкинской поры» (М., 1989), Ю.М. Никишова «Дум высокое стремленье»: Очерки духовной биографии Пушкина». Т.1 – 3 (Тверь, 2003), Н.И. Михайловой «'Витийства грозный дар...': Пушкин и ораторская культура его времени» (М., 1999) . При всей своей содержательности и ценности данные работы по своему существу, по задачам и обобщенному характеру изложения не касаются непосредственно художественного своеобразия пушкинского романтизма. В каждой

из перечисленных работ романтическому периоду уделяется внимание, соотносимое с общей задачей — показать эволюцию пушкинского творчества на всем его протяжении. Проблематика же собственно романтической лирики вынужденно рассматривается лишь в ее обособленных проявлениях.

Попытки найти новые подходы к смыслу пушкинского лирического текста, обнаружить то их художественное своеобразие, которое неизбежно ускользает при обычном, тематико-биографическом подходе, предприняты в монографиях В.А. Грехнева — «Болдинская лирика Пушкина; 1830 г.» (Горький, 1980), «Лирика Пушкина: О поэтике жанров» (Горький, 1985) и «Этюды о лирике Пушкина» (Нижний Новгород, 1991), «Мир пушкинской лирики» (Нижний Новгород, 1994). В них представлен развернутый анализ многих шедевров пушкинской романтической лирики, на теоретически углубленной основе исследуется поэтика, метод и стиль важнейших лирических произведений Пушкина. Эти исследования отличаются новаторским характером анализа романтической проблематики, а также образцовой научной интерпретацией жанрового содержания лирики поэта. По словам В.А. Грехнева, «Пушкин в поэзии — прежде всего лирик по глубочайшей своей сути. Он дерзновенно раздвинул горизонты лиризма и щедро обогатил его формы». ³³ В итоговой монографии С.А. Кибальника «Художественная философия А.С. Пушкина» (СПб., 1999) исследованы важнейшие концепты поэтического мира поэта.

Особое значение для исследования пушкинской лирики имеет анализ отдельного текста, так как любое романтическое произведение осознается поэтом как уникальное в своем роде

создание, никогда и никем неповторимое. Анализ отдельного лирического произведения - насущная задача современной пушкинистики. Методика анализа лирического текста до сих пор во многом зависит от индивидуальных вкусов и симпатий исследователя. Опыт многих отечественных и зарубежных литературоведов не получил еще полновесного и методологически перспективного обобщения. Это и последовательность описания, и чередование аспектов рассмотрения текста, и определение свойств и признаков «поэтического» начала в тексте.

Исследователю, сознательно стремящемуся к последовательности и объективности анализа, нередко бывает трудно отказаться от навязывания оригинальному тексту тенденциозно ориентированного прочтения, принятия произвольных смысловых решений. Вдвойне трудно проникнуть в специфические особенности романтического текста, максимальным образом учесть его исторически мотивированную автономность.

Новые пути и подходы к целостному анализу лирического произведения намечены в таких фундаментальных трудах современных литературоведов, как «Лермонтовская энциклопедия» (М., 1981); «Поэтический строй русской лирики» (Л., 1973); «Анализ одного стихотворения» (Л., 1985). Уникальное монографическое исследование стихотворения Пушкина принадлежит акад. М.П. Алексееву «Стихотворение Пушкина "Я памятник себе воздвиг...": Проблемы изучения» (Л., 1967).

Значительны успехи немецких интерпретаторов лирических феноменов романтизма. Это школа исследовательницы К. Гамбургер, которая своей книгой «Логика поэзии» утвердила продуктивные подходы к анализу лирического текста. Особенно важны в этой связи работы К. Песталоцци «Возникновение

лирического 'я'», К. Спиннера «Структура лирического 'я'», Х. Ленерта «Методы интерпретации лирики» и других исследователей.³⁴

В XIX веке редко кто из критиков и литературоведов считал необходимым обращаться к анализу отдельных стихотворений Пушкина. Ценное начинание в этом отношении принадлежит Л.И. Поливанову, который в 80-х годах издал сочинения Пушкина таким образом, что каждое стихотворение поэта предварялось развернутым историческим и литературоведческим комментарием, включавшим все накопившиеся к этому времени сведения, которые в каждом новом издании дополнялись и уточнялись. Традиция анализа отдельного стихотворения была заложена и в работах Н.Ф. Сумцова «А.С. Пушкин: Исследования, статьи и заметки о Пушкине» (Харьков, 1900) и «"Пророк" Пушкина в связи с его же "Подражаниями Корану"» (М., 1898). По своим выводам эти работы далеко не во всем могут нас удовлетворить в настоящее время, но они представляют несомненную ценность как факт становления нового типа литературно-критического исследования отдельно взятого романтического текста.

Важный импульс изучению отдельного лирического стихотворения был задан статьей В.М. Жирмунского «Задачи поэтики» («Начала». 1921. № 1). Итоги его научных разработок, в центре которых находились многие образцы романтической лирики Пушкина, позднее были собраны в сборнике его работ «Вопросы теории литературы» (Л., 1928).

Большой вклад в оживление интереса к «штудиям» лирических миниатюр Пушкина в послевоенный период внес А.И. Белецкий, который предложил новаторские образцы

«проникновения» в художественный смысл таких текстов Пушкина-романтика, как «Анчар» и «Я помню чудное мгновенье...». ³⁵

В настоящее время созданы такие существенные работы по методике анализа стихотворного текста: Ю.М. Лотман «Анализ поэтического текста» (Л., 1972); «В школе поэтического слова» (М., 1988); «О поэтах и поэзии» (М., 1996), М.М. Гиршман «Анализ поэтических произведений Пушкина, Лермонтова, Тютчева» (М., 1981), «Избранные статьи. Художественная целостность. Ритм. Стиль. Диалогическое мышление» (Донецк, 1996).

Оригинальные примеры прочтения пушкинского текста принадлежат В.С. Непомнящему, часть их вошла в его сборник «Поэзия и судьба» (М., 1983, 3-е изд.1999), в монографию «Пушкин: Русская картина мира» (М., 1999).

О том, что романтизм есть существенный элемент, определивший лирику Пушкина, свидетельствуют новаторские работы В.Н. Аношкиной «Романтическая муза Пушкина» (М., 2001), и американской исследовательницы М. Гринлиф «Пушкин и романтический модус» (1994). В первой работе выделены важнейшие аспекты пушкинского романтизма – образы свободы, искусства, любви. Акцент сделан на динамике лирического начала, на оценке новых эстетических возможностей Пушкина-романтика. Во второй монографии детально обследованы жанры элегии, фрагмента, образы востока, иронический модус в лирике Пушкина; стиль Пушкина осмысливается как последовательно романтический.

В целом современный уровень осмысления пушкинских романтических текстов можно оценить следующим образом. Внимание ученых по преимуществу привлекают лишь «южные» поэмы, в которых усматривается главное творческое достижение романтического периода Пушкина. Лирика остается на втором

плане, ее или обходят молчанием или характеризуют лишь в самом общем плане. Еще одна особенность, свойственная большинству работ о пушкинском романтизме, — это сведение его сущности к одной, ведущей, по мнению исследователей, черте — индивидуализму, утверждению высоких страстей, ценностей свободы, героики подвига, в то время как пушкинский романтизм — это, прежде всего, система взглядов на окружающую действительность. Поэтому едва ли целесообразно ограничиваться характеристикой одной «глобальной» черты. На наш взгляд, необходимо шаг за шагом восстанавливать всю группу проблем, встающих перед поэтом-романтиком, и решать их не только с учетом биографических реалий и жизненного кредо автора, но в большей степени исследуя образный строй и стиль Пушкина, сквозь призму которых и открывается специфика его отношения к миру.

Романтизм Пушкина до сих пор рассматривается едва ли не как маргинальное явление, мотив «преодоления романтизма» стал центральным у исследователей Пушкина, отсутствует последовательная концепция пушкинского романтизма, как и типология романтического метода.

Несмотря на наличие целого ряда глубоких исследований, давно уже ставших достоянием нашей науки, а также новейших работ, свидетельствующих о возрастании интереса к поэзии Пушкина, его лирика по-прежнему нуждается в дальнейшем изучении. Она не только не исследована в полном объеме, но и настоятельно требует нового прочтения, освобождения от стереотипов, схематизирующих творчество поэта.

Важной стороной романтической лирики Пушкина является ее связь с ведущими поэтическими системами, существовавшими в его

время в Западной Европе. Исследование контекста общеевропейского романтизма — крайне трудное, но необходимое условие для понимания и освещения национального своеобразия пушкинского романтизма. За последнее время значительное оживление произошло и в западноевропейской пушкинистике: важны работы американских и немецких славистов и пушкинистов. Среди них выделяются капитальные труды Шоу, О'Белл, Майклсона, Бетеа, Бриггса, Сэндлер, Клайтона. Когорту заслуженных пушкинистов Германии возглавляют Кайль, Роте, Шмид, Книгге. В исследованиях зарубежных ученых можно обнаружить многочисленные тонкие и точные наблюдения над особенностями пушкинских текстов, но и там пока не создана целостная концепция пушкинской лирики в ее эволюции. Таков еще один из итогов изучения Пушкина в XX веке.³⁶ Методологические аспекты такого направления исследований романтической поэтики намечены в труде В.И. Кулешова «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке: Первая половина» (М., 1977).

Таким образом, в пушкинистике накопилось большое количество ценных исследований, рассматривающих поэзию Пушкина в ее целостности и в историческом развитии, наблюдений, касающихся лирики в связи с общими процессами его творчества. Однако по своей сути, задачам, характеру изложения они далеки от нашей цели и не касаются тех проблем, о которых пойдет речь в настоящей работе.

Рассматривая проблему утверждения романтического идеала в лирике Пушкина, необходимо представить романтизм в целом как определенное поэтическое мирозерцание и соответствующую ему

художественную систему. Такой подход вызывает целый ряд трудностей объективного порядка. Прежде всего, встает вопрос об отношении Пушкина к тем романтическим системам, которые ему предшествовали и сопутствовали. Если говорить о французской литературе, то очевидны симпатии русского поэта скорее к предромантикам типа А. Шенье, нежели к последующим французским поэтам — о творчестве Виньи, Гюго и Ламартина Пушкин нередко отзывался критически и даже насмешливо. Серьезно интересуясь такими романтиками, как Мериме, Нодье и Жанен, основное внимание поэт все же обращал на постромантическую, близкую к натуралистической, манеру Жанена, на особенности восприятия Мериме сербских народных песен. Заметим, что романтическое мировоззрение в его сущностных философских характеристиках недостаточно полно было осознано и самими французскими романтиками.³⁷

Что касается английских романтиков, то в 20-е годы создавалась совершенно иная ситуация: Пушкин пережил сильное влияние личности и творчества Байрона, результаты которого могут быть строго фиксированы — сюжетика и композиция лирико-эпических форм, краткий период восхищения собственно литературными героями Байрона. Однако просветительские традиции несомненно ограничивали влияние байронизма на мировосприятие Пушкина. Более глубоким оказалось творческое усвоение опыта В. Скотта. Повышенный интерес у Пушкина вызвало также творчество Колриджа, Корнуэлла, Саути и Вордсворта во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг.³⁸

Непосредственные, контактные связи творчества поэта с немецкой романтической поэзией были крайне ограничены, и даже там, где такие связи можно было бы усмотреть, следует быть крайне

осторожным — знание немецкого языка было у Пушкина явно недостаточным для того, чтобы отразиться на результатах его восприятия немецкой литературы и принести весомые плоды. Многих поэтов Германии Пушкин знал через посредство французских переводов. Ряд идей немецкого философского романтизма были восприняты им благодаря английским переводам, и произошло это в поздний период его творчества. Следует отметить особую роль русских посредников в знакомстве Пушкина с романтическими идеями Европы. Исключительно велика в этом отношении роль Жуковского. Его вклад в знакомство русского общества с поэтикой немецких поэтов и писателей разного масштаба и значения убедительно документируется и подтверждается в исследованиях Ф.З. Кануновой,³⁹ А.С. Янушкевича⁴⁰ и Р.В. Иезуитовой.⁴¹

Подавляющее большинство русских поэтов, окружавших Пушкина, однозначно и последовательно утверждали романтические идеи. Живая связь между ними и Пушкиным настолько несомненна, что с уверенностью можно говорить об особой романтической атмосфере, окружавшей поэта: Баратынский и Дельвиг, Веневитинов и Языков, Глинка и Туманский явственно и отчетливо провозглашали право поэта на особое, романтическое, видение мира. Наиболее последовательно за романтизм ратовал Вяземский, один из близких друзей поэта.⁴² Общеромантическую атмосферу формировали и поэты, творчество которых оставляло Пушкина равнодушным, — это Марлинский, Кукольник, Загоскин. Выступления молодого Гоголя-критика, статьи Шевырева, братьев Киреевских привлекали поэта своей талантливой защитой принципов нового романтического искусства.

Нередко оспариваемое представление историков литературы о «пушкинской плеяде», в которую входили только романтики, позволяет, тем не менее, осознать тот факт, что Пушкин, постоянно находился среди тех поэтов первой трети XIX века, которые были не только его современниками, но и единомышленниками в борьбе за утверждение романтизма.

За лирическим «мы» в стихотворениях, посвященных лицейским годовщинам, стоит действительно группа близких по духу людей. Характерно, что его отношения с Кюхельбекером всегда перерастали в спор, частые творческие разногласия были у него с Катениным. Вопрос о постоянной вовлеченности Пушкина в атмосферу поэтического романтизма не может быть никем оспорен, хотя несомненно нуждается в тщательных фактологических подтверждениях. Круг чтения, переписка с друзьями, затрагивающая вопросы поэтического творчества, частные беседы — здесь все оказывается важным и существенным. Поэтому знание общей атмосферы русского романтизма, как и сведений о малейших деталях связей поэта с русскими и европейскими романтиками, проливает свет на его отношение к романтизму как общеевропейскому литературному движению. Вспоминая отзыв Пушкина о статье И. Киреевского «Обозрение русской словесности за 1829 год», опубликованной в альманахе «Денница» 1830 года, где тот положительно откликается на факт появления «молодых поэтов немецкой школы» — Шевырева, Хомякова и Тютчева — и отмечает их «истинный талант»,⁴³ мы в то же время не должны забывать о постоянных колебаниях в оценке им литературной позиции журнала «Московский вестник», органе любомудров, пропагандировавшем крайние романтические тенденции в русской эстетической мысли 30-х годов. О негативном отношении поэта к позиции журнала мы

читаем в мартовском письме к Дельвигу 1827 года: «Ты пеняешь мне за "Московский вестник" и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее, да что делать?» (XIII, 341). А в то же время в 23-м номере «Московского вестника» того же года было напечатано стихотворение «Поэт» — одна из самых ярких деклараций романтической свободы художника.

Романтические тенденции в творчестве Пушкина могут быть прослежены на различных уровнях — от сюжетных мотивов до частной семантики отдельного эпитета. Ясно, однако, что для поэта романтизм — это новый тип мировосприятия и жизнестроения, а не только стилистическое своеобразие.

В отечественном и зарубежном литературоведении неоднократно освещались самые разнообразные аспекты романтизма в творческой практике Пушкина: использование романтических сюжетов, переделка фабул народных сказок в поэтические тексты, активизация сюжетных схем байроновского типа («южные поэмы»), обращение к легендам средневекового Запада («Сцены из рыцарских времен»), преобразование новеллы о «разбойниках» в повествовательный текст («Дубровский», «Капитанская дочка»), трансформация народных баллад («Песни западных славян»), использование фантастики («Пиковая дама»), насыщение философской проблематикой историй и легенд об одаренных творческих натурах («Моцарт и Сальери», «Египетские ночи»), введение историй-сновидений («Гробовщик»), изображение героев-безумцев в ироническом и серьезном планах («Медный всадник», «Полтава»), объединение в рамках единого повествовательного блока фантастики и реальности (наброски неоконченного текста «Влюбленного беса»). Специфическая тематическая направленность обнаруживается в «ужасной» истории

о детоубийце в повествовании о Марии Шонинг, в замысле о папессе Иоанне, парадоксальном объединении антитезы любви и ненависти («Моцарт и Сальери»), любви и смерти («Египетские ночи»), любви молодой девушки к старику («Полтава»).

Романтические тенденции явственно прослеживаются на уровне мотивов сна («Гробовщик», «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Пиковая дама», «Капитанская дочка»), безумия («Медный всадник», «Полтава», «Пиковая дама», «Не дай мне бог сойти с ума»), поэта-пророка, жизни-странствования.

К кругу романтических воздействий относят смешение прозы и стихотворного текста в «Египетских ночах», принцип свободы лирического изложения в «Евгении Онегине». Актуальность изучения пушкинского романтизма становится все несомненной.

Не будем далее увеличивать число примеров, предопределяющих очевидный ответ на вопрос об отношении Пушкина к романтическому движению. Но одно обстоятельство требует особого внимания. Пушкин обладал настолько огромным дарованием и творческой силой, его художественные творения отличаются такой широтой и полновесностью, что трудно отнести его творчество к строго определенному методу. Здесь вступает в свои права уникальность и неподражаемая индивидуальность гения.

Теоретические и методологические принципы исследования

В силу того, что в творчестве Пушкина лирика наиболее полно реализует свои потенциальные родовые возможности, обращение к ней способствует углублению и расширению теоретического

«инструментария» для описания лирики как целостного образования.

Для последовательного и четкого осознания специфики пушкинской лирики, столь полномерно выразившей романтическое миропонимание, необходима разработка теоретических принципов осмысления лирического текста. Начиная с эпохи античности, теоретики литературы пытались выявить сущность жанрово-родового своеобразия лирики. Сущность лирического с трудом поддавалась эстетическому осмыслению, и только романтизм позволил преодолеть многие препятствия, возникавшие на путях теоретического исследования.

Решение проблемы сущностных черт романтической лирики Пушкина невозможно без уяснения вопроса о специфике художественной образности его лирических произведений. И если идейно-тематическое своеобразие, многочисленные исторические и биографические реалии пушкинских поэтических текстов изучены в самых разнообразных аспектах, то вопрос о специфике художественной образности для подавляющего числа исследователей остается открытым. В монографии Б.П. Городецкого утверждается: «Специфическая особенность лирического образа по сравнению с характером образа в эпическом повествовании недостаточно ясна», так как «основным содержанием образа в лирике становится не столько лицо, предмет или какое-либо явление внешнего мира, сколько вызванное ими чувство». ⁴⁴

В течение длительного времени лирическая поэзия осознавалась и поэтами, и теоретиками искусства слова как непосредственная передача с помощью художественной речи субъективных переживаний поэта, как открытое выражение им чувств и настроений, вызванных прихотливой изменчивостью его

самосознания. В отечественной теории литературы признавалось, что поэт выявляет свое авторское сознание в стихотворениях, не преодолевая никаких внешних и внутренних смысловых преград. Он как бы постоянно находится в потоке собственных эмоций, а его внутреннее «я» спонтанно «изливается» в поэтической фразе. «Чистая лирика, — писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский, — есть творчество по существу своему безобразное. И хотя нередко в ней и встречаются образы, но они не имеют познавательной силы, а потому и не могут быть приравняемы к настоящим образам в художественном смысле». ⁴⁵ Более того, по мнению исследователя, лирика всегда «стремится к освобождению от всякой примеси образных элементов». ⁴⁶ В его специальной работе «Лирика как особый вид творчества» эти мысли были развиты более подробно: «Лирика как творчество по существу ритмико-эмоциональное образует особый вид творчества, а не разновидность и не форму какого-либо другого. Она психологически и принципиально отлична не только от творчества философского и научного, но и от художественного (образного)». ⁴⁷

Из тех исследовательских работ, которые посвящены раскрытию лирики как особого рода искусства слова, выделяются своей проблемной содержательностью труды Г.Н. Пospelова, Т.И. Сильман, В.Д. Сквозникова, С.Н. Бройтмана. ⁴⁸ В них дается достаточно четкое и систематизированное понимание своеобразия лирики среди иных литературных родов. При всей специфике каждой из теоретических работ указанных авторов во всех содержится методологически важное допущение, определяющее необходимость соответствия между объектом поэзии и методами ее изучения. Все новейшие работы объединяет мысль о том, что эстетика субъектно-объектных отношений между поэтом и

окружающим миром является фундаментом для исследования романтической лирики. Эстетика Гегеля, лежащая в основе понимания родовой сущности романтической лирики, опиралась в основном на творчество Гете и Шиллера, которые были и для русских поэтов XIX века главными ценностными ориентирами. Гегель отмечал, что «лиризм есть как бы стихийная основная черта романтического искусства». ⁴⁹

Лирический образ обладает возможностью не только формировать представление о жизни в ее непосредственном восприятии, но и выводить душевное переживание из реального пространственно-временного континуума в процессе отображения состояния психики, мыслей, чувств, впечатлений, стремлений. «Вбирая в себе мир события, — пишет В.А. Грехнев, — лирический образ не претендует на изображение его полноты и объемности, его протяженности в пространстве и во времени». ⁵⁰ Таково главное свойство романтического модуса лирики как литературного рода.

Лирика не обладает способностью передавать впечатление визуального пространства и ощущаемого времени, так как в ней отсутствует действие, протяженное и длящееся бесконечно. Обобщенное переживание поэта-лирика не растворяется в частных проблемах и интересах его опыта, именно оно сохраняет идентичность и целостность субъективного ядра лирического «я». Лирическим мы называем то, что преисполнено особо возвышенным настроением, не давая себе ясного отчета о логической связи между субъектом и объектом медитации. В настроении субъективное и объективное сливаются воедино: читатель невольно отождествляет себя с прочитанным, и чувства, выраженные в строках, как будто «исходят из его груди». Лирическое стихотворение создает настроение, когда смысл слов становится менее существенным, чем

их звучание, когда исчезают противоречия между внутренним чувством и картиной природы, его вызвавшей, между формой и содержанием, поэтом и читателем.

Лирический текст как целое, в совокупности составляющих его элементов (субъект высказывания, адресат, мир объектов, связующий их процесс взаимодействия и восприятия) приобретает свое истинное значение только в качестве выражения позиции лирического «я», его поэтического кредо, средств выражения авторского начала. В романтизме он соотносим с объективно-духовным содержанием личности, причем не в меньшей степени, чем с субъективно-душевым.

Будучи искусством экспрессивного изображения эмоционально-мыслительных представлений, созерцания и раздумий, лирика никогда не теряет заинтересованной связи с внешней по отношению к авторскому сознанию реальностью. Лирика, и особенно романтическая, обладает интенциональным характером — изображенный в поэзии внутренний мир человека, движения его души, порывы сознания всегда тем или иным способом направлены на события и предметы реальной действительности. Белинский так характеризовал это свойство лирики: лирический субъект «не только переносит в себя предмет, растворяет, проникает его собою, но и низводит из своей глубины все те ощущения, которые побудило в нем столкновение с предметом» (3, 330). Поэт не стремится заслонить собою внешний мир, а всегда исходит из него в момент погружения во внутрь своего сознания и подсознания.

Для лирического произведения первостепенное значение имеют процессы, связывающие внешний мир и лирическое «я». Любая «проблемная» ситуация у романтика предстает как комплекс

отображенного внутреннего переживания лирического субъекта и внешнего «овеществления» этого переживания. Если лирика классицизма не обладала свойством органически подвижного объединения внешних и внутренних ситуаций лирического настроения, то романтизм добился качественного обновления лирической ситуативности.

Именно благодаря подобному единству объектно-субъектных связей лирического текста выраженное в поэтическом произведении настроение сохраняет силу универсальной внушительности: ту или иную настроенность могут «разделять» и ощущать читатели именно потому, что в нем обнаруживается общечеловеческая всеобщность, которая, безусловно, выходит далеко за пределы личной жизни поэта, его частного опыта. Неповторимая индивидуальность переживается как универсально необходимая большинством участников лирического диалога, при всем своем многоголосии объединяемая общей настроенностью. Именно поэтому лирика в теоретической концепции Белинского находится на вершине искусства слова: «Лирика есть жизнь и душа всякой поэзии; лирика есть поэзия по преимуществу, есть поэзия поэзии» (3, 300).

Наличие образа переживания, образа универсального настроения является родовой константой лирического произведения. Эту мысль, встречающуюся у многих исследователей, особенно настойчиво подчеркивает В.Д. Сквозников - «специфика лирического рода» заключена в «наличии образа лирического переживания». ⁵¹ Образ переживания есть, по его мнению, «основа лирики». ⁵² Подобные взгляды широко распространены и в немецком литературоведении. Так, например, известный знаток немецкой и европейской романтической лирики К. Гамбургер пишет: «Стихотворение

передает непосредственно не самый сюжет, а переживание этого сюжета лирическим 'я'.⁵³

Любое лирическое произведение, таким образом, можно представить в виде своеобразного поля переживания лирическим субъектом факта, события и даже процесса, происходящего в действительности. Основой же лирического образа является наличие идейно-смысловой напряженности между полюсами объекта и субъекта. Граница между лирическим и нелирическим проходит через эстетически осмысленную изменчивость сферы переживаний и настроений авторского сознания, обладающего высокой степенью интенсивности. Анализ лирического текста становится исключительно трудной задачей, поскольку прихотливая изменчивость и неопределенность эмоциональной настроенности субъекта поэтического высказывания препятствует нахождению отчетливых и последовательных критериев анализа романтической ситуации и положения в ней лирического «я» поэта.

Самые выдающиеся достижения лирического рода неоспоримо принадлежат эпохе романтизма. И это не случайно: новые принципы субъектно-объектных отношений в творчестве романтиков в наибольшей степени могли быть реализованы в лирике как литературном роде, принципиальные особенности которого в наибольшей степени отвечают задачам романтической субъективности. В нашей работе мы стремимся органически связать конкретный анализ отдельного стихотворного текста Пушкина с общей теорией лирики и теорией романтизма.

¹ Важные аспекты исследования связей романтика с миром, нацией, историей см. в работах М. Frank. Einführung in die

frühromantische Ästhetik. Frankfurt.a.M., 1989; Immerwahr R. Romantisch: Genese und Tradition einer Denkform. Frankfurt.a.M., 1972; Romantikforschung seit 1945/Hg. v. K.Peter. Königstein, 1980; Meyer H. Romantische Orientierung: Wandermodelle der romantischen Bewegung. München, 1995; Meyer H. Zur historischen Dimension des Romantischen//Colloquia Germanica. N. 2. 1968.

² См. работу С.А. Кибальника. Художественная философия Пушкина. Спб., 1999.

³ Пиксанов Н.К. Пушкинская студия: Введение в изучение Пушкина: Темы для литературных работ: Систематическая библиография. Пг., 1922. С. 34.

⁴ Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 11.

⁵ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.;Л., 1966. С.407. Важные дополнения сделаны С.А. Фомичевым в его статье «О лирике Пушкина»//Русская литература. 1974. № 2. С. 43—53.

⁶ Де Ла-Барт Ф.Г. Литературное движение на Западе в первой трети XIX столетия. М., 1914. С. 138.

⁷ Замотин И.И. Романтический идеализм в русском обществе и литературе 20 – 30-х гг. Спб., 1913. Т. 2. С. 1.

⁸ Свиринов Н. Пушкин на переломе к реализму//Знамя. 1936. № 4.

⁹ Гегель Г.Ф.В. Эстетика: В 4 т. М., 1969. Т. 2. С. 240.

¹⁰ Там же. С. 246.

¹¹ Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 120.

¹² См. сб. «Пушкин в прижизненной критике: 1820 - 1827». Спб., 1996.

¹³ Вести. Европы. 1824. № 8. С. 276-278.

¹⁴ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т.1. С. 93. Далее по

всей работе ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

¹⁵ См.: Незеленов А.И. Пушкин в его поэзии. 2-е изд. Спб., 1903.

¹⁶ Никольский Б.В. Поэт и читатель в лирике Пушкина. Спб., 1899.

¹⁷ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С. 227 – 228.

¹⁸ Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. Спб., 1999. С. 183 – 188.

¹⁹ В кн.: Пушкин и его современники. Пг., 1916. Т.У1. Вып.23—24. С. 223—280.

²⁰ Там же. С. 241, 259, 280.

²¹ См. продолжение и развитие этих вопросов в ст. и кн. Маймина Е.А. Еще о Пушкине и «Московском вестнике»//Пушкинский сборник. Псков, 1963; Он же. О русском романтизме М., 1975.

²² Мейлах Б.С. Творчество А.С. Пушкина: Развитие художественной системы. М., 1984. С. 31.

²³ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С.49—50.

²⁴ Там же. С. 89.

²⁵ Там же. С. 224.

²⁶ В кн.: Проблемы романтизма. Т. 2. М., 1971. Дальнейшее развитие взглядов автора см. в ст.: Гуревич А. М. Пушкинская концепция романтизма//Известия АН СССР. Сер. яз. и лит. 1977. № 3. С. 235—243 и в его кн. Романтизм Пушкина. М., 1993.

²⁷ Там же. С. 207.

²⁸ История романтизма в русской литературе. М., 1979. Т. 1. С. 189.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Фридман Н.В. Романтизм в творчестве А.С. Пушкина М., 1980. С. 25.

³¹ В работе Л.Я. Гинзбург. «Пушкин и лирический герой русского

романтизма» (Пушкин: Исследования и материалы. М.;Л., 1962. Т. 4) сказано, что Пушкин воплощал романтизм как факт современной культуры, но авторское сознание его не отождествлялось с романтической личностью, романтизм предполагает единство авторской личности, которого, якобы, не было у Пушкина.

³² Новую трактовку проблем периодизации предложил С.А. Фомичев. См.: Фомичев С.А. Периодизация творчества Пушкина//Пушкин: Исследования и материалы. Т.Х. Л., 1982. С. 5—21.

³³ Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. С. 3.

³⁴ См. Наиболее важные новейшие работы по теории лирики - Lehnert H. Struktur und Sprachmagie: Zur Methode der Lyrik-Interpretation. Stuttgart, 1972; Pestalozzi K. Die Entstehung des lyrischen Ich: Studien zum Motiv der Erhebung in der Lyrik. Berlin, 1970; Ledanff S. Die Augenblicksmetapher: Über Bildlichkeit und Spontaneität in der Lyrik. München, 1981; Spinner K.H. Zur Struktur des lyrischen Ich. Frankfurt am Main, 1975; Krummacher H.-H. Das "als ob" in der Lyrik: Erscheinungsformen und Wandlungen einer Sprachfigur der Metaphrik von der Romantik. Köln, 1965; Müller W.G. Das lyrische Ich: Erscheinungsformen gattungseigentümlicher Autorsubjektivität. Heidelberg, 1979; Lamping D. Das lyrische Gedicht: Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung. Göttingen. 1993; Zur Lyrik-Diskussion / Hg. R.Grimm. Darmstadt, 1974; Hamburger K. Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1968.

³⁵ Белецкий А.И. Избранные труды по теории литературы. М., 1964.

³⁶ Сведения о работах указанных авторов можно найти в сборниках- Zeitschrift für Slawistik. № 1. 1987; Arion: Jahrbuch der Deutschen Puschkin-Gesellschaft / Hrsg. R.-D. Keil.

В. I. Bonn, 1989, Band 2. 1992, Band 3. 1997 - по немецкоязычным авторам; в *The Pushkin Journal: The Journal of the North American Pushkin Society*. 1993. N. 1 - 2 - по англоязычным авторам; в *Revue des etudes slaves*. 1987. V. 59. F. 1/2. P. 407-425 - для работ, написанных на французском языке.

В нашем пособии - Смирнов А.А. «Лирика Пушкина: Принципы анализа поэтического идеала». М., 1988. С. 74—77 приведены библиографические сведения об основных книгах, сборниках научных статей и исследований зарубежных ученых, посвященных творчеству Пушкина.

³⁷ См.: Дементьев Э.Г. Становление французского романтизма. Вологда, 1986; Он же. Ранний французский романтизм. Вологда, 1988. См. также G. Achinger. Victor Hugo in der Literatur der Puschkinzeit: 1823- 1840: Die Aufnahme seiner Werke und seine Darstellung in der zeitgenössischen Literaturkritik. Köln - Wien, 1991.

³⁸ См., например работу Сайтанова В.А. Третий перевод из Саути//Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991

³⁹ См.: Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского. Томск, 1990

⁴⁰ См.: Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985

⁴¹ См.: Иезуитова Р.В. Жуковский и его время. Л., 1989

⁴² Новейшие обобщения о творческих связях Пушкина и Вяземского рассматриваются в работе: Ивинский Д.П. А.С. Пушкин и П.А. Вяземский: История личных и творческих контактов. М., 1990

⁴³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.;Л.: Изд-во АН СССР. 1937—1949. Т.1—XV1; 1959. Т. XVII («Справочный»). Т. XI. С. 105. Далее цитируется это издание с указанием тома и страницы в тексте. В

необходимых случаях к римской цифре, обозначающей том, добавляется арабская, указывающая на книгу или полутом (например: II-1).

⁴⁴ Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. Л., 1970. С. 9 - 10.

⁴⁵ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Теория поэзии и прозы. Пг., 1917. С. 179.

⁴⁶ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Собр.соч.: В 7 т. СПб., 1914. Т. 6. С. 179.

⁴⁷ Вопросы теории и психологии творчества. М., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 225.

⁴⁸ Пospelов Г.Н. Лирика среди литературных родов. М., 1976; Сильман Г.И. Заметки о лирике. Л., 1977; Сквозников В.Д. Реализм лирической поэзии. М., 1975; его же. Лирика Пушкина. М., 1975; его же Русская лирика: Развитие реализма. М., 2002; Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура. М., 1997. Ср. сб. дискуссионных статей о природе лирики: *Zur Lyrik-Diskussion*. Darmstadt, 1966.

⁴⁹ Гегель. Эстетика. Т. 2. С. 242.

⁵⁰ Грехнев В.А. Болдинская лирика Пушкина. Горький, 1980. С. 130.

⁵¹ Сквозников В.Д. Лирика Пушкина. С. 11.

⁵² Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 175.

⁵³ Hamburger K. *Die Logik der Dichtung*. Stuttgart, 1968. S. 222.